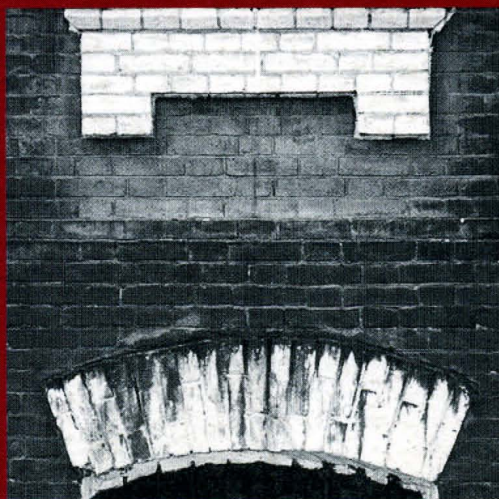

Вячеслав Глазычев

Глубинная Россия: 2000–2002

НОВОЕ издательство

НОВАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)
ББК 63.3(2Рос)
Г52

Серия «Новая история» издается с 2003 года

Издатель	Евгений Пермяков	
Продюсер	Андрей Курилкин	
Дизайн	Анатолий Гусев	
	Ответственный редактор	Андрей Курилкин
	Литературный редактор	Маргарита Шульгина
	Фотографии	Вячеслав Глазычев
	Фотографии на обложке	Дарья Дубровская
	Картография	Рубен Ванециан

В книге использованы рисунки детей из Набережных Челнов, Новоульяновска, Мышкина, Старицы, Тихвина, а также сел Вурнарского района Чувашии, Лаишевского района Татарстана, Оренбургского района, Рузаевского района Мордовии

Г52 Глазычев В. Л.
Глубинная Россия: 2000–2002 / 2-е изд., испр.
М.: Новое издательство, 2005. — 328 с.: ил. — (Новая история).

ISBN 5-98379-023-4

Книга известного специалиста по проблемам городской среды Вячеслава Глазычева предлагает заинтересованному читателю образ малого города в России новейшего времени. Материалом для книги послужили результаты экспедиций, которые были проведены Центром стратегических исследований Приволжского федерального округа под научным руководством автора. Наряду с экспедициями, охватившими почти 200 населенных мест в 15 регионах России, автор провел серию проблемных семинаров в сельских районах Кировской, Оренбургской и Ульяновской областей, Мордовии и Татарстана. Раскрывая становление нового стиля жизни, нового типа руководства во всем многообразии и противоречивости опыта последнего десятилетия, книга знакомит с пестрой картиной действительности, почти неизвестной за чертой крупнейших городов.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 5-98379-023-4

© Новое издательство, 2003

Оглавление

6	От автора
7	1 Погружение в Россию
42	2 Окружная рамка видеоискателя
43	3 Первая попытка обобщения
115	4 Погружение в город
169	5 Погружение в район
261	6 Подходы и выводы
308	7 О пользе чтения старых книг
325	Summary

Первая попытка

Как всякий сугубо московский человек, я открывал для себя страну частями и в разные времена. Сначала ближнее Подмосковье — по направлениям железных дорог, где были разбросаны дачи знакомых. Сейчас трудно вообразить, что в первые послевоенные годы Лианозово было дачным поселком, Валентиновка казалась дальним местом, а Внуково или Абрамцево вообще находились где-то за горизонтом. Обычные маршруты вели на юг, и все, что располагалось между Москвой и Сочи, представлялось только пейзажем из вагонного окна. Иногда при виде внезапно открывшегося, всхолмленного ландшафта, где между перелесками в отдалении виднелся неведомый городок, возникало острое желание взглянуть туда, но поезд убежал дальше, и желание пропадало.

Под флагом студенческой практики случилось первое обнаружение жизни на селе, шоковое по силе. Сразу после зачисления в архитектурный институт¹ нас отправили куда-то в Калужскую губернию, где возили на утомленных клячах мокрый картофель в хранилища: там эти корнеплоды должны были непременно сгнить к следующему лету. На бревенчатой стене избы, где мы спали на полу вповалку, висели две картинки: царское семейство из «Нивы» и портрет Георгия Максимилиановича Маленкова из «Огонька». Как раз вышло первое послабление крестьянству, колхозникам выдали паспорта, так что Маленков был вполне уместен, но как смогло уцелеть «контрреволюционное» изображение? Людей в деревне было маловато. За шатким плетнем пространство усадебной улицы заливала жидкая глина цвета какао, с дымчатыми разводами. Как там жили люди, было решительно непонятно.

После третьего курса мы строили кирпичные коттеджи в Ельнинском районе Смоленской области. Строили на краю огромного льяного поля над речкой, которую наше строительство обрекало на верную гибель. Лен был низкорослый, пригодный исключительно на масло, но маслосеялка в Ельне не работала. Найти металл для оконных переемычек было невозможно, но мы обнаружили выход, распилив рельсы узкоколейки, оставшейся после немцев. Год был 1960-й, от начала «оттепели» четвертый, и тем более странно оказалось обнаружить такую глубокую нищету, какой москвич, снабжавшийся по так называемой первой категории, представить себе не мог. На местных огородах не росло ничего, кроме картошки и лука, — даже свеклу удавалось обнаружить с большим трудом. Впрочем, молоком с колхозной фермы нас снабжали изрядно, и хлеб тоже давали. Наличных денег у колхозников не водилось, так как рассчитывались с ними исключительно «палочками» в ведомости, однако же налоги казне следовало выплачивать рублями. Мизерные студенческие стипендии в этих местах казались огромными деньгами, и бидон самогона с нашим приездом подорожал на местном рынке в два раза. Как раз минуло полгода с того момента, когда в рамках упорной

1
См.:
[http://www.glazychev.ru/dossier/
03_marhi.htm](http://www.glazychev.ru/dossier/03_marhi.htm)

реализации идеи агрогородов обложили налогом каждую яблоню, так что плодовым садам России пришел конец — яблоневые стволы валялись у плетней повсюду.

Через год пожил неделю у няни своего младенчества в Тульской области, рядом с Новомосковском. Няня считалась инвалидом (справка об инвалидности обходилась недешево), в колхозе не работала и потому все время проводила на огороде и с птицей. Ее муж сумел занять выгодную позицию возчика, что давало толику личной свободы и возможность использовать подводу для собственных нужд и в качестве ценной услуги. Это было тем более важно, что косить траву для своей коровы запрещали даже на лесных полянах: создание агрогородов начали с уничтожения скотины на подворьях, так что косить приходилось по ночам, и главным делом было вывезти свежее сено до наступления утра.

Наконец-то моим «буржуйам» удалось осуществить давнюю мечту о мотоцикле с коляской. Во-первых, надо было накопить для этого денег, что предполагало немалый объем продажи на рынке. Во-вторых, следовало попасть в список очередников, ибо в свободную продажу серьезные мотоциклы не поступали. В-третьих, законное место в этом списке надлежало оправдать обязательными поставками шерсти, яиц и сливочного масла. Яиц в хозяйстве хватало с избытком, шерсть тоже имела, но вот масло пришлось покупать в соседней области в магазине (в дурном сне не увидишь того, что тогда творилось со статистикой сельскохозяйственного производства!). Как раз той осенью в булочных Москвы вместо привычного хлеба стали торговать чем-то зеленоватым, с добавкой гороха, немедленно пересыхавшим и малосъедобным. К зиме подошли транспорты с американским зерном (о чем ходили только глухие слухи), и хлеб появился снова.

Я не принимаю в расчет туристические поездки по городам, поскольку тогда не было ни оснований, ни возможности выйти за рамки знакомства с памятниками архитектуры и музеями. Жизнь людей оставалась за этими рамками, а так как газетные статьи никто всерьез не воспринимал и телевизора за полной бессмысленностью этого прибора у меня не было, то я гораздо лучше знал перипетии распада американского фермерского хозяйства или новые способы уничтожения джунглей Амазонки, чем жизнь российской глубинки. Когда стала появляться «деревенская» проза, она, разумеется, прочитывалась разом с другими публикациями в «Новом мире», но при всей своей эмоциональной напряженности была мало информативной. Как-то журнал «Литературное обозрение» заказал мне материал о городской теме в советской литературе. Взглявши за дело с азартом и пересмотрев сплошь толстые журналы, я быстро понял, что, строго говоря, городские сюжеты завершились в довоенное время, когда в моде была индустриализация, тогда как за 20 лет между 1964 и 1984 годами обнаружили только две повести, действие которых развертывалось в городе. До появления хлестких очерков Стреляного и Черниченко в эпоху ранней перестройки источников дельной информации не было вообще, что как-то можно было компенсировать только одним — внимательным чтением многотомной «России» под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского и изданий губернских краеведческих обществ.

За те же 20 лет, работая в экспериментальной дизайнерской студии Союза художников СССР (через нее прошли полторы тысячи художников со всей страны), я успел набрать немалый массив информации о состоянии городов, часто поверяя узнанное собственными

впечатлениями на местах. Однако все это было и случайно, и поверхностно. Как всякий опытный научный сотрудник, я умел удовлетворять собственное любопытство за казенный счет и, возглавляя сектор социальных проблем советской архитектуры во второразрядном НИИ, смог организовать исследование перипетий расселения в советскую эпоху. Мы изучали с трудом добытый фактический материал, но это была тяжелая работа, ведь границы районов и областей перекраивались столько раз, что добиться сопоставимости расчетов было делом головоломным. Случались небольшие открытия. Так, выяснилось, к примеру, что одна только Рязанская губерния за 10 лет между 1927 и 1937 годами утратила свыше 700 тыс. человек и что пустынная Мещерская сторона, столь восхитительно описанная Паустовским, не всегда была пустынной, а стала таковой вследствие тотального истребления крепких хуторских хозяйств в пойме Оки в ходе коллективизации. Наши материалы проникали в странные закрытые зоны, вроде сети мордовских лагерей вокруг Потьмы, где почти все десятиклассники твердо знали, что место их будущей работы — в охране. Удавалось разобрататься, как живут люди в приграничных зонах. Все это было любопытно, но очень уж фрагментарно, да к тому же не могло быть речи о публикации материалов даже для служебного пользования, так как в институтском плане все эти работы вообще не значились.

В 1984 году мне пришлось срочно менять место работы. Тогдашний директор маленького НИИ культуры Вадим Борисович Чурбанов рискнул разрешить мне создать сектор исследования культурного потенциала городов и предоставил полную свободу действий. Собрал несколько одаренных молодых людей, я начал совместную работу с городскими властями Набережных Челнов, соседней с ними маленькой Елабуги и Тихвина, затерянного в болотах Ленинградской области. Идея вовлечения горожан в работу осмысления состояния города и его будущего была несколько экзотичной в глазах местных партийных начальников, однако времена были уже какие-то неопределенные, и нам не препятствовали.

С тех пор прошло уже немало лет, но, думается, впечатления того времени, наложенные на нынешнее знание, представляют определенный интерес.

Набережные Челны 1980-х годов являли собой прелюбопытное место. КамАЗ на полном ходу, Автозаводский район выстроен согласно концепции двух московских институтов, его широкие проспекты и двухуровневые транспортные развязки создавались на дальнюю перспективу, и, действительно, они недурно выдерживают сегодняшшний поток автомобилей. Общая схема землеосвоения — в условиях, когда земля ничего не стоила, — была выполнена очень грамотно. Хуже обстояло дело с жильем: кварталами: их проектировали «издалека» внешние люди, которыми двигали сугубо формальные соображения. Те же институты проектировали Тольятти и задали там сеть чрезвычайно крупных прямоугольных кварталов, ведущим специалистам не хотелось повторяться² — и в результате Автозаводский район был сформирован в системе обособленных «островов», разделенных обширными пустыми промежутками.

Было совершенно очевидно, что такая пространственная конструкция буквально взывает к возникнове-

2
Это не догадка — ведущий соавтор проекта Борис Рафаилович Рубаненко достаточно искренне и подробно отвечал на мои вопросы, когда в 1978 году он согласился быть официальным оппонентом первой из моих докторских диссертаций (по организации архитектурного проектирования), успешно защищенной, но отвергнутой тогдашним ВАКом за то, что «вела советскую архитектуру по неправильному пути», как гласил вердикт экспертного совета.

нию подростковых банд, что и подтвердилось со всей яркостью в начале 1990-х годов. Схема так жестка, что и сегодня, когда автодороги, связывающие между собой «жилые комплексы», называются «улицами» и имеют имена, городской адрес звучит непривычно, например: «6-105, 46-й комплекс (по Ленинградскому проспекту)».

При чрезмерно быстром, спазматическом процессе застройки обширного пустого пространства, слободы, разделенные по заводам (и соответственно по схемам финансирования), не были сопряжены ничем. Тогдашний председатель горисполкома предпринимал героические усилия, чтобы как-то оживить и «очеловечить» новую урбанизированную территорию, на которой, кстати, проживали люди с изрядными домашними библиотеками. Переоценивать последнее обстоятельство не стоит — деться в свободное время было почти некуда (два Дворца культуры на весь город), тогда как снабжение дефицитными в ту пору книгами было хорошо налажено через всеильный КамАЗ.

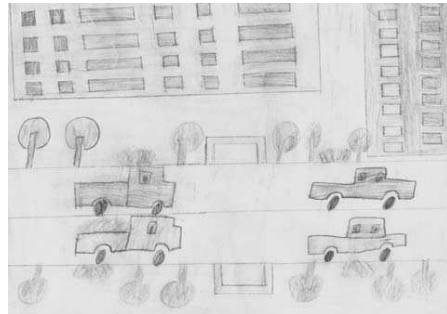
Между Автозаводским районом — «старым городом» машиностроительных заводов — и еще более «старым» городом строителей Нижнекамского гидроузла простиралась обширная пустыня, которую шустро пробегал трамвай. Градоначальник сумел организовать здесь строительство крупного спортивного комплекса «из ничего», то есть мифический «цех № 17» возводил это сооружение из якобы битого кирпича заводских строек. Обычная практика тех лет, за которую можно было получить или орден, или десятилетний срок.

Я успел в Челны как раз в тот момент, когда бульдозеры доламывали последнюю улицу, оставшуюся от городка 1940-х годов, единственный след сколько-нибудь длительной обитаемости, единственную связь между новыми промслободами. Там среди прочего была симпатичная пожарная каланча и аппетитный домик банка с трогательными гипсовыми шабрами по бокам лестницы. Пришлось воспользоваться всеми ресурсами красноречия, чтобы убедить мэра в ценности этих следов коротенькой, но все же истории места. Прямо в кабинет была затребована выкопировка из генерального плана, здесь же я обвел красным карандашом охранную черту — и было подписано распоряжение о приостановке сноса.

Контакт был установлен, и теперь требовалось вовлечь обитателей Набережных Челнов в процесс, ввести их в состояние изумления перед тем, что для них, их же руками, нагородили москвичи. Еще в 1980 году, работая в болгарском Благоевграде вместе с моим коллегой по экспериментальной студии Марком Александровичем Коником, я попросил учителей местных школ задать школьникам нехитрую домашнюю работу. Они ее выполнили, и мы получили несколько десятков рисунков, на которых достаточно верно было отображено все, что привлекало детское внимание в городке, уютно устроившемся в горной долине. На многих рисунках повторялся старый домик мельника у главной площади, тот самый домик, который городские власти, стремясь к единообразию, уже постановили непременно снести. Мы включили десяток картинок в экспозицию своего проектного предложения, и это весьма помогло. В Челнах я решил повторить этот опыт, существенно расширив его масштаб. В данном случае опора на городскую бюрократию оказалась как нельзя кстати: мэр вызвал к себе завещающего гороно, тот собрал учителей рисования, и мне оставалось лишь упрощить их ни в коем случае не руководить процессом и ограничиться третьими-пятыми классами.

Помогло это лишь отчасти, так что в папках, которые я получил через две недели, можно было найти немало сладких фантазий на тему города будущего. И все же большинство сработало честно — пришлось перебирать почти полторы тысячи листов, созданных в 17 школах города. В возрасте 10–11 лет люди еще не знают, что не умеют рисовать, и рисуют совершенно раскованно. В этом возрасте они, как правило, еще не начали лгать, и потому их свидетельства достаточно надежны.

Взрослые не просто притерпелись к той омерзительно монотонной среде, в которой проходила их повседневная жизнь, — многим, судя по вопросам, она казалась вполне привлекательной. Совокупность детских рисунков показала, насколько тревожна такая притерпелость глаз. Рисовали в обычных дешевеньких альбомах, и сразу бросалось в глаза, что многим юным художникам одного листа не хватало: они работали на развороте — по горизонтали. Многим и этого оказывалось мало, и в результате расчерченные квадратиками панелей бесконечные ленты зданий, так и не кончаясь, упирались в левый и правый обрез листа. Одна такая горизонтальная лента повергала в шок: автомобильчики и фигурки людей на улице оказывались точно по рисунку швов между панелями, будто они не более чем элементы той же самой конструкции. Чудовищный эстетический голод понуждал авторов чем-то разнообразить сетки панелей, и потому в квадратиках окон были расцвечены яркие занавески, на каждом подоконнике оказывались яркие цветы в горшках. Те, кому и этого было недостаточно, изобрели собственный способ декорирования: к нижним углам каждого окна были трудолюбиво прицеплены цветные воздушные шарики.

Часто встречавшийся вид сверху обнажал не только пустынность пространства, но и всю иллюзорность представлений начальства о том, что, затратив немалые деньги на сооружение всяческих «сказочных» городков, они способны подарить детям радость. Почти все загончики-резервации такого рода на детских рисунках были пустыми — аккуратно зафиксированная топографическая деталь, куда менее привлекательная, чем автомобили и мотоциклы. Зато на множестве рисунков то тут, то там оказались фонтаны, каких тогда в Челнах не было.

Оставалось собрать полторы сотни картинок в группы, снабдить их простенькими и жесткими лозунгами³ и сформировать выставку в фойе Дворца культуры в тот самый день, когда происходила ритуальная встреча городской администрации с так называемой общественностью.

Мною двигал холодный расчет: дети — слабое место даже у достаточно засохших в невзгодах взрослых. Как и следовало ожидать, администрация Автозаводского района была оскорблена в лучших чувствах и сотрудничать с нами не захотела, тогда как несколько съездившиеся в тени КамАЗа заводы, на балансе которых было немало жилья, откликнулись. Расчет оправдался,

3

Записи утеряны, но один текст я помню точно: «Если город на детских рисунках похож на бездушный механизм, то взрослому надо с этим что-то делать».

и через неделю на краю «старого» города началась работа, какой в Советском Союзе еще не случалось. В казенных помещениях красных уголков⁴ вместе трудились старшекласники, родители и закаленные люди от заводских дирекций, которые незамедлительно предоставили в распоряжение «проектных групп» запасы всевозможных материалов, на всякий случай (и в расчете на прямой товарообмен) хранившихся на складах. Вместе с моими помощниками провели детальный анализ пустырей и проложенных по ним тропинок, составили карты потребностей для всех возрастных и функциональных групп. Для стариков, которым нужны не только скамейки, но и стена, защищающая от ветра и обращенная к югу. Для мам с колясками, которым также нужно защищенное от ветров место, где можно обменяться сведениями о питании и воспитании. Для малышей, которым нужно множество «потаенных» мест, где их не сможет психологически раздавить гигантский мир взрослых. Для тех, кто постарше и кому необходима пища для собственного группового воображения, а не идиотские поделки в виде гномов и чебурашек. Для тех, кто уже начал осваивать самодельные скейтборды — чтобы они не сносили с ног всех встречаемых и не вылетали на проезжую часть... Ну и, разумеется, мы предусмотрели фонтаны — совершенно необязательно большие, необязательно сложные и дорогие. Здесь же был изобретен способ отливки округлых бетонных деталей в разовых формах, сооружаемых из брезента на металлических рамах, самостоятельно сочинен способ создания дешевой мозаичной поверхности из гальки и керамического боя.

Главным было показать, что благоустройство — дело самих жителей не тогда, когда их выгоняют с лопатами, чтобы делать чужую и скучную работу, а когда они действительно ощущают собственное авторское участие. Это так тривиально, но ведь до сих пор простое это обстоятельство напрочь игнорируется городскими властями в подавляющем большинстве случаев. Сейчас можно обнаружить примеры иного отношения, но в 1984 году дело обстояло иначе.

Было понятно, что в тогдашней обстановке удержать опыт не удастся, что стоит нам выйти из процесса, и он, скорее всего, замрет. Слабая надежда теплилась в наших душах, но скептицизм был оправдан: без опоры в зрелых гражданских организациях всплеск энергии замирает. Мы озаботились тем, чтобы внести некий желаемый образ в сознание мэра, бывшего единственным мотором перемен, но при этом не ущемить самолюбие местных профессионалов. Обычные, массивные формы предъявления проектных идей здесь не годились, что заставило сделать нетривиальный ход. Проектный рассказ о постепенном насыщении городской среды собственно городскими признаками (в тогдашних Челнах мы не нашли, к примеру, ни одного уголка, где было бы приятно назначать свидания) был выполнен в виде рукописной, от руки же иллюстрированной книги в одном экземпляре. Этот единственный экземпляр отдали мэру⁵.

В 2002 году мы проводили семинар Союза дизайнеров России в Набережных Челнах. Разумеется, город, сменивший уже не одного начальника, существенно преобразился. Широкие улицы стали бульварами, подтвердив правоту авторов планировочной схемы. Понемногу

4 Уже забытые слова означают место партийной (КПСС) работы с пенсионерами, оторванными от прежних своих парторганизаций по месту работы.

5 Современному читателю придется разъяснить, что ксерокса в ту пору мы не видели, а если бы и видели, вряд ли могли бы им воспользоваться, так как любая множительная техника в частных руках была немислима, и даже с портативных пишущих машинок, продававшихся в магазине, снимали образцы шрифта для удобства спецслужб.

складываются зачатки городского центра, насыщенного неожиданно дорогими для стагнирующего КамАЗа заведениями. Разросшаяся зелень все же слишком низка, чтобы милосердным плащом закрыть панельные жилые дома, но, конечно, несколько ослабила агрессивность визуального поля. Активная реклама до некоторой степени играет роль воздушных шариков на рисунках 1984 года. Бездарное здание крупной мечети и немногим более привлекательная православная церковь, по крайней мере, привнесли толику разнообразия в городскую обстановку.

Два отчетливых следа нашей давней работы доказывают, что даже единичное и слабое воздействие способно приводить в движение значительные инерционные массы. Первое: фонтаны в Челнах весьма заметны. Правда, это не те камерные формы, какие можно было проектировать и выполнять вместе с горожанами, а монументальные сооружения, по оси которых высятся монументальные же абстрактные скульптуры казанского ваятеля Хана, весьма склонного к эклектичному электизму и к грандиозности. Но они есть, и более чем весомы в городском ландшафте. Второе: в городе закрепилась и обрела авторитет первоклассная детская художественная школа-студия, руководители которой публично говорят о том, что началом своей деятельности считают нашу работу далекого 1984 года.

Расположенная совсем рядом с Набережными Челнами маленькая Елабуга не могла не привлечь наше внимание еще и потому, что несколькими годами ранее мы уже сделали студийный проект реставрации-реконструкции этого города. Известная любителям истории как город кавалерист-девицы Дуровой, любителям поэзии — как место гибели Цветаевой, а любителям пейзажной живописи — как родина Шишкина, Елабуга до прихода советской власти была неординарным купеческим городом — здесь находилась штаб-квартира могучего концерна хлеботорговцев Стахеевых. В 1980-х там еще кое-где были целы белокаменные плиты тротуаров. Сохранились торговые ряды и несколько превосходных особняков. Устояла огромная гимназия, где в годы войны располагалась часть эвакуированной Академии наук. На окраине, как замок, громоздились корпуса огромной Школы милиции. В целом же большевики не любили Елабугу, бывшую одним из оплотов белой армии в Прикамье, и ничего в ней не строили.

Наш давний проект, выполненный учениками студии из Казани и Челнов, был красив и утопичен, поскольку финансировать реставрацию и благоустройство никто не собирался. Одним из интересных звеньев проекта была обработка обширного склона, сплошь занятого огородами соток по 20–30, «под Версаль» — с правильными дорожками и маленькими площадями⁶. Как нередко бывает, именно эта деталь врезалась в память горожан и властей острее всего, и нас встретили вполне приветливо.

Елабуга жила напряженно. Решение о строительстве очередного тракторного (танкового) завода было принято годом ранее, и в скромном здании школьного типа кипела разносторонняя жизнь заводской дирекции, занятой подготовкой сметы. Горожане в преддверии строительства преисполнились надежд на обустройство канализации, капитальный ремонт и расширение водопровода под новое жилое строительство. В ту странную, с нормальной экономической точки зрения, пору из собственных средств типичный уездный город мог осилить

6

Через десять лет в Швеции, в Ярне, я обнаружил в колонии антропософов именно такую схему организации парка из огородных культур, удивительно красивого, когда из разных видов овощей и трав собираются четкие куртины.

метров 400 водопровода в год, не тратясь более ни на что. Единственный шанс осуществить реконструкцию заключался в том, чтобы «затянуть» на место крупный промышленный объект, в смету строительства которого можно было упаковать и инфраструктуру, и жилье, и кино-театры. Отсюда яростный лоббизм обкомов КПСС в кабинетах Совета министров — выбить, выпросить то, что сегодня именуется инвестициями, а тогда называлось капиталовложениями.

Генеральный директор Николай Иванович Бех, бывший тогда в зените карьеры, оказался готов на многое. Его статус, зримо фиксируемый прямым телефонным выходом на самый верх, давал известную независимость от обкома Татарской АССР и полную независимость от горкома Елабуги, которому предстояло уйти в тень куда более мощного заводского парткомитета. Исполком городского совета шумно функционировал, занимаясь мелкими проблемами горожан, но все сходило в кабинет Генерального, в котором общая атмосфера несколько напоминала страницы превосходной книги Валентина Катаева «Время, вперед!».

Понятно, что о каком-то сотрудничестве с горожанами и городскими властями в этой обстановке не могло быть и речи. Мы ограничились сбором материалов для устной истории города в советскую эпоху, сосредоточив все усилия на внушении действительной власти, то есть Беху, мысли о необходимости создания в будущем городе-заводе базовой инфраструктуры цивилизованности. Казалось, что на этот раз мы были близки к цели как никогда: в окончательную смету строительства, уже согласованную всеми заинтересованными министерствами, 26-м пунктом вошли расходы на реализацию «Комплексного проекта реконструкции и благоустройства Елабуги». Дальнейший ход событий перечеркнул все радужные планы. Началась тягостная, до сих пор не законченная история. Стальные скелеты так и высятся на пустырях. В немногих, наспех достроенных цехах несколько раз начинали так называемую отверточную сборку автомобилей. На переломе столетий здесь даже пытались собирать «опели», детали которых везли из Бразилии (!). Затем все снова затихло. В 2002 году мы хотели вернуться в Елабугу, чтобы провести именно там проектный семинар по мобилизации ресурсов и выработке альтернативной программы развития города, но власти Татарстана от этого уклонились, предложив другое место.

Тихвин дал нам совершенно иные возможности. Там тоже была крупная слобода при заводе, но она вплотную примыкала к древнему городку, где пережил войну большой и красивый монастырь, удвоенный отражением в зеркале пруда. Множество деревянных домов с пристроенными холодными лестницами на второй-третий этажи обстроили улочки, спускающиеся к пруду и остаткам деревянной набережной речки Тихвинки, где когда-то совершался ежевечерний променад почтенных обывателей. Чудом уцелевшая деревянная почтовая станция немудреной архитектуры, помнившая ссыльных декабристов. Большая и нелепая площадь — генеральный план Тихвина с его стандартной сеткой кварталов был подтвержден государем Николаем I по чертежу, выполненному без выезда на место. Из скучной сетки плана «вынули» четыре квартала, но при этом никто не озаботился тем, чтобы поинтересоваться рельефом. В результате перепад высот по длине прямоугольной площади составил более двух сажен, отчего она оказалась несколько скособоченной.

Там были свои сложности. Ленинградский обком партии славился особенной свирепостью ко всякому инакомыслию, и, хотя Тихвин был на отшибе и большая власть туда не навевывалась, местный горком, а следовательно, и горисполком отличались повышенной пугливостью. К тому же крупный тихвинский завод, где трудились 12 тыс. человек, был по статусу всего лишь филиалом Кировского завода, что изрядно сковывало его начальство. Но Тихвин уже хорошо освоила Татьяна Андреевна Славина — превосходный историк русской архитектуры. Она возила туда своих студентов, так что немалый человеческий капитал города был для нас открыт. Люди музейные и люди при музее, создатели хорошей фотостудии и ревнители тихвинской старины — все они хранили мягкую обособленность от местной власти, умея при случае вытянуть из нее то одно, то другое доброе дело, вроде обширной программы экскурсий в Ленинград для школьников.

Нашим проводником по нескольким кружкам тихвинских интеллигентов стал учитель рисования Николай Павлович Разенков, выписывавший в то время все доступные журналы из братских стран социализма. Не создавая обособленной детской студии, он сумел так поставить программу рисования и композиции, что почти все школяры умели недурно самовыражаться в рисунке и в цвете. На этот раз, помимо работы с малышами, мы решили всерьез приняться за десятиклассников. К тому времени я завершил перевод книги Кевина Линча «Образ города» и захотел повторить опыты американского психолога по изучению способов, какими обычные люди воспринимают собственный город. Более всего нам необходимы были привычно собранные вместе десятиклассники — народ подвижный, знающий город, как никто другой. Сначала, однако, следовало возбудить их интерес, чтобы наша задача не воспринималась как еще один дополнительный урок с предсказуемым результатом.

Мои молодые ассистенты взялись за дело, и очень скоро школяры с увлечением писали инструкцию по завязыванию шнурков на ботинках, сочиняли хором сказку про пару влюбленных магнитофонов и тому подобные славные глупости. Теперь они были готовы в дело, которое казалось простеньким только на первый взгляд. Им всего-то предлагалось вместе составить по памяти план собственного города. Монастырь, речку и шлюз они расставили довольно точно, точно вспомнили каждый киоск и каждую витрину вдоль главной улицы, но уже вокруг того, есть или нет у этой улицы излом, развернулись жаркие дебаты. Каждый мог относительно уверенно изобразить и замерить собственный маршрут от дома до школы, но размещение и назначение построек вокруг главной площади дались уже совокупным усилием и с немалым трудом.

Мы сознательно выбрали школу, стоящую на рубеже между старым городом и новой слободой, которая решительно надвигалась на кварталы малоэтажной застройки. В ту пору по стране распространилась эпидемия вынужденного вандализма: отчаявшись улучшить поло-

жение в старых домах и не имея шансов на то, чтобы в обозримом будущем получить жилье по так называемой «очереди», люди поджигали собственные дома, предусмотрительно растащив добро по родственникам и друзьям. Иные, страшась следствия, использовали другую методику, затаскивая на второй этаж тяжести, чтобы подломиться давно подгнившие балки перекрытия. На рисунках малышей такого рода обугленных проплешин было немало. Конечно же, все мечтали о фонтане, благо в Петергофе побывала хоть раз всякая семья в городе. Конечно же и здесь фиксировалась заметная неприязнь детей к законам с большими игрушками, которые возводили для них упорные власти.

Вместе с нашими десятиклассниками мы подвергли анализу выставку рисунков и получили уже вполне подготовленные команды для начала проектного процесса, смысловым ядром которого стала программа реставрации почтовой станции для создания в ней подросткового клуба. Речь шла о реставрации здания собственными силами старшеклассников под надзором учителей труда и профессионалов из Ленинградского инженерно-строительного института. Необходимое число бревен и досок удалось обнаружить без особого труда. Городские власти вяло одобрили программу, но предпочли застраховаться от возможных рисков. Единственным ощутимым, хотя и побочным эффектом работы стало то, что в новую эпоху Разенков возглавил архитектурную службу города и кое-что из намеченной программы за десяток прошедших лет ему удалось воплотить в материал.

Московская интерлюдия

Перестройка изменила все для каждого, значит, и для меня тоже. Я разделял иллюзии со многими и, забросив научные занятия, окунулся в реформаторскую деятельность. Вместе с коллегами я приложил массу усилий для свержения прежнего руководства Союза архитекторов СССР, был избран одним из его освобожденных секретарей и почти сразу оказался в гуще хитросплетений вокруг создания общества «Мемориал»⁷. В конце концов учредительную конференцию удалось созвать, и я мог переключиться на работу в смешанной экспертной группе, готовившей первый вариант закона об основах местного самоуправления. Попытки убедить коллег в необходимости реформировать Союз архитекторов до того, как произойдет неизбежный уже распад прежнего государства, не привели к успеху. Я потерпел поражение в демократической процедуре голосования и сломал традицию «номенклатуры», уйдя в отставку. Но еще до этого момента почти случайным образом началось мое длительное сотрудничество с германскими коллегами, с огромным упорством стремившимися создать Европейскую академию городской среды, так что городская тема вернулась ко мне с несколько неожиданной стороны.

Затем последовали два года трудов в роли ответственного секретаря Фонда «Культурная инициатива» (Джорджа Сороса) и, наконец, новый этап, когда я стал совмещать спокойную профессорскую должность в Московском архитектурном институте и исполненную рисков роль руководителя небольшой группы с гордым названием Академия городской среды⁸.

7
См.: <http://www.memo.ru>

8
Предполагалось, что это будет московское отделение Европейской академии, и была тайная надежда на некую финансовую поддержку деятельности, однако Европейский союз отказался от учреждения отделений, и нам не оставалось ничего, кроме самостоятельности.

Следует напомнить, что вплоть до осеннего путча 1993 года, когда Ю.М. Лужков фактически уничтожил почти все из них, заморозив им банковские счета, в Москве бурно множились комитеты общественного самоуправления (КОСы). Некоторые из них наряду с различными формами социальной поддержки неимущих всерьез принимались за освоение ресурсов территории. Среди таких отважных экспериментаторов был КОС «Чистые пруды», с которым мы начали увлекательную работу инвентаризации возможностей группы кварталов, и общей площадью, и населением сопоставимых с малым городом. К опыту, которым мы уже располагали, прибавился качественно новый, ведь теперь мы имели дело уже не с аморфной «общественностью» и не со старой администрацией, а с совершенно невиданным в России субъектом — лидерами самоуправляемого сообщества.

Это были амбициозные, хорошо образованные люди, которым казалось, что их сугубо профессиональная квалификация позволяет решать любые задачи по оптимизации процессов на обжитой городской территории. Они забывали лишь о том, что в окрестных домах жили люди, почти каждый из которых считал себя не менее серьезным специалистом в какой-то области. Понятно, что любая попытка выработать общее мнение в такой среде превращалась в тягостную цепочку процедур по принятию решений. Пришлось, помимо отработанной уже техники работы с детскими рисунками, изобретать на ходу различные психотехнические штуки. Так, привезя из Берлина (ведь в Москве в тот год не было почти ничего) пакетик семян черри-томатов, я разложил по пять семян на кусочки ваты в спичечные коробки вместе с инструкцией. Оставалось разнести их по квартирам старушек, составлявших едва ли не половину обитателей на Чистых прудах. Для того чтобы найти пару старых мотороллеров, не требовалось чрезмерных усилий, а пара же потертых черных кожаных курток была «трофеем» из коробки с гуманитарной помощью. Знакомые студенты расписали мотороллеры звездами и молниями, набили десятки заклепок — эффект покраски забора Томом Сойером сработал замечательно, и подростки готовы были отстаивать в кулачном бою право развезти почти символические дары по домам. Мы стремительно набирали умение работать с людьми: молодыми и старыми, напыщенными и скромными, собирающимися в группы и предпочитающими позицию одинокого наблюдателя. Теперь мы ощущали себя в силах работать с западными коллегами если и не совсем на равных, то почти на равных.

Связи с Берлином не прерывались, и летом того же года нам удалось справиться с задачей, о постановке которой ранее не приходилось мечтать.

Вместе с председателем исполкома тогдашнего Октябрьского района⁹ мы выбрали крупный московский микрорайон 15-А, примыкающий к Черемушкинскому рынку и ограниченный Ленинским проспектом. Была поставлена задача — вместе с жителями разработать целостную программу «мягкой» реконструкции обширной застроенной территории, на которой проживало около 11 тыс. человек. В многочисленных статьях 1980-х годов я настаивал на том, что советская система комплексной застройки микрорайонов в действительности создавала только «черновик» жилой среды, а через несколько лет после заселения, когда первичное обживание на новом

9

Это был Георгий Леонардович Васильев, географ, менеджер, поэт и исполнитель песен (дуэт «Иваси»), генеральный директор постановки мюзикла «Норд-Ост», памятной всем трагическими событиями октября 2002 года на Дубровке в Москве. В Октябрьском исполкоме были зарегистрированы первые частные предприятия Москвы — около 5 тыс. фирм на один юридический адрес.

месте можно считать состоявшимся фактом, должны быть осуществлены допроектирование, процесс корректирующей достройки и реального благоустройства. Авторам проектов застройки слово «черновик» решительно не нравилось, и хотя никто прямо не возражал, но обсуждать принципы и способы реализации такой концепции не спешили.

В новых условиях, казалось, замысел можно было проверить на практике, и к нам с удовольствием присоединились немецкая и британская группы, а общим неформальным лидером иноземной бригады стал Герман Зайберт, вместе с которым я работал над созданием Европейской академии городской среды с 1989 года¹⁰. Наши западные коллеги часто и много трудились в бедных районах своих городов — их отнюдь не шокировали трещины и провалы асфальта на внутриквартальных проездах, мусор вокруг помоек и облупившиеся фасады. Мы уже побеседовали с частью жителей, работники жилищно-эксплуатационной конторы были предупреждены властями, так что наши коллеги могли облазить подвалы и технические чердаки и побывать во множестве квартир. Теперь они требовали точной информации, но, прежде чем ее предоставить, я попросил охарактеризовать то, что вызывало у них наибольшее изумление. Если свести вместе все высказывания, то получатся две фразы: «Такой среды не может быть, но она есть» и «В такой среде люди не могут сохранять человеческое достоинство, но они его сохранили».

Взгляд извне действительно помогает. Мы все притерпелись к вечной неустроенности, привыкли к ней с детских лет, и даже сейчас, когда центральная часть Москвы мало схожа с той полуруиной, которая существовала в конце 1980-х годов, обстановка внутри большинства городских кварталов может быть охарактеризована как разруха. Но почему такой среды не может быть? В ту пору мы не задумывались о том, насколько дика привычная для нас схема бытия, когда соседями по лестничной клетке оказывались университетский профессор, в квартире которого семья с трудом протискивалась между книжными стеллажами, вечно пьяный сантехник и многодетное семейство, приверженное исламским традициям. В нормально устроенном западном мире такого не может быть. Там подобное группируется с подобным по сугубо материальным критериям в первую очередь. Эта схема не лишена жесткости, дурные стороны сегрегации, фрагментирования городской среды хорошо исследованы западными критиками, но никто лучше нас не знает тягостных сторон того социального «винегрета», что систематически насаждался в Советском Союзе из лучших побуждений¹¹. Дело не в демократичности самой по себе, а в том, что ее неизбежным следствием в условиях стремительного роста городского населения за счет миграции из деревень и слобод стало резкое падение уровня бытовой культуры города, до последнего времени так и не успевшего подняться.

Так или иначе, совместными усилиями нам удавалось последовательно втягивать все большее число обитателей микрорайона в процесс его конструктивно-аналитического осмысления. Делать это всегда не просто, а в 91-м году люди были все еще очень зажатыми на публике,

10

Как бывает во всех странах, Зайберту и его коллегам предоставили весь труд создания Академии, подбор здания, ремонт, оснащение, найм персонала, после чего из берлинского Сената назначили нового директора, а всех инициаторов проекта поставили в такие условия, что им оставалось только уволиться и искать новые места приложения сил и знаний.

11

Теперь, когда не только в столицах, но и в малых городах и поселках возникли и растут обособленные кварталы богатых (относительно) социальных групп, мы на собственном опыте будем познавать и добрые, и скверные эффекты имущественной сегрегации застроенного пространства. Достаточно оснований полагать, что скверные эффекты будут длительное время заметнее и сильнее.

так что пришлось строить ступенчатую схему. Нам был временно отдан красный уголок. Его окна смотрели во двор, и прохожие теперь могли

12

Кстати, это превосходный способ привлечь именно тех, кто нужен (скандалисты и болтуны не замедлят явиться на любое собрание), ведь именно те семьи, где отношения гармоничны, исходно несут в себе добротное, созидательное начало.

13

См.: ЭКО-1. М.; Берлин; Лондон, 1991.

видеть, как какие-то чужие люди развешивают листы с чертежами и рисунками и колдуют над большим макетом микрорайона, сооруженным из кирпичей и веточек в ящике с песком. Разумеется, первыми рискнули заглянуть к нам дети. Некоторые из них — в тех семьях, где между детьми и родителями есть настоящий контакт, — рассказали взрослым о виденном. Многие из этих взрослых заинтересовались и тоже зашли¹². На последних собраниях, вынесенных в здание школы, ее актовый зал был полон.

Именно тут наши западные коллеги поняли, что им самим придется пересмотреть привычные методики работы с жителями. Они привыкли работать в полуразоренных или вовсе разоренных кварталах, а такие кварталы заселены преимущественно безработными, плохо образованными людьми. Здесь они столкнулись с ситуацией, когда в пределах одного микрорайона среди жителей нашлись эксперты практически в любой области знаний: от ботаников и социологов до инженеров и историков.

Нам немало удалось в московском микрорайоне 15-А. Стихийный протест жителей против строительства нового высотного дома удалось преобразовать в добротную альтернативную программу нового строительства, понятную жителям и принятую ими. Здесь появилась программа «волнового» расселения пятиэтажных «хрущевских» домов — с тем отличием от поздней официальной программы, что мы предусматривали сохранение всех их обитателей на месте. Сложился тонко детализированный проект возвращения жизни почти заглохшему пруду с продуманной системой высадки водных растений таким образом, чтобы защитить микрорайон от комаров без применения химических средств. Возникла схема реконструкции рельефа во дворах, предполагавшая спрятать от глаз опустылевшие помойки, план реконструкции полуразрушенных павильонов под досуговые и торговые функции, тщательно просчитанная программа создания десятков рабочих мест для местных жителей, включая престарелых.

Мы отпечатали пару сотен книжек с подробным изложением нашей программы¹³ и распространили их по потенциально заинтересованным учреждениям, что явно сказалось в дальнейшей работе московских властей, хотя и в вывернутых наизнанку формах чрезмерного уплотнения жилых кварталов с полным пренебрежением к мнению жителей. Увы, при всей поддержке исполкома мы не могли предвидеть, что вскоре после путча исчезнут и сам исполком, и надежды на развитие общественного самоуправления в столице.

Вторая попытка

Московским работам предшествовала специфическая пауза, сыгравшая явно ключевую роль для дальнейших моих занятий. Пережив инфаркт, после обычных в таких случаях санаторных процедур я решил передохнуть где-нибудь в средней полосе и собраться с мыслями в одиночестве. Показалось любопытным выбрать для этой цели самый маленький город России и оставалось его вычислить. Самым маленьким оказался

городок Чекалин Тульской области — старинный Лихвин, переименованный после войны в честь подростка, попытавшегося самостоятельно воевать с оккупационным гарнизоном. Покопавшись в книгах, обнаружил, что и до революции в Лихвине было точно столько же жителей — 1240 душ. Как и чем может жить городок, население которого вобрало бы в себя два московских 16-этажных дома?

Я был мило принят в местной администрации, разместившейся в полуразрушенном домике, и мэр со звучной фамилией Романов отвел меня на место ночлега, открыв ключом висячий замок. Гостиница, состоявшая из единственной комнаты и кухни-прихожей, была официально закрыта за нерентабельностью. На дворе стояло теплое лето 91-го года, и в газетном киоске у автобусной станции продавали пакетики жевательной резинки. Обойдя городок и обнаружив, что единственная в нем столовая работает лишь два часа по рабочим дням, я было уже придумал название будущего очерка — «Город без сникерсов», однако при внимательном осмотре была-таки найдена лавочка, где торговали не только сникерсами, но и голландским баночным пивом и растворимым кофе.

При помощи Романова я за один день прояснил всю трудовую и финансовую основу лихвинского бытия. В так называемой производственной сфере обнаружилось всего около 60 рабочих мест: на молокозаводе, в хлебопекарне и в автохозяйстве. Условно можно было бы прибавить около 40 работниц местной фабрики по набивке подушек пером (наволочки привозились из Калуги), но фабрика уже встала. До 30 человек работали в магазинах, на почте, в столовой, в городской администрации и в клубе, где летом крутили кино для школьников. Еще человек 25 — в городском хозяйстве: электрики, водопроводчики. На школу и городскую больницу приходилось 50 рабочих мест, тогда как вся частная торговля была официально представлена десятком душ. Всего получалось менее 200 мест, где можно было заработать какие-то деньги. Тем не менее городок отнюдь не производил впечатления убожества и разрухи. Новую школу успели к тому времени построить, поликлинику с трудом, но достраивали. Дома в порядке, много новых кровель, накрыли жстью восстановленный купол над церковью. Кое-где попадались новые кирпичные дома, в том числе один, над карнизом которого высились миниатюрные кремлевские зубы — как выяснилось, собственность водителя-дальнобойщика. На окраине, в руинах тюремного «замка», возведенного еще при Екатерине Великой, умело обжились восемь русских семей, сбежавших из Узбекистана.

Среди домов в ремонте обнаружился и собственный дом Романова — старая деревянная школа. Мэр, перебравшись сюда из Актюбинской области Казахстана, где был учителем физкультуры, законно приобрел просторный дом по так называемой «остаточной стоимости» и трудолюбиво приводил его в порядок вместе с сыновьями¹⁴.

На 1 240 душ в Лихвине было почти 600 пенсионеров, имевших таким образом некий стабильный доход в придачу к продукции с огородов, курятников и гусятников. Городское стадо состояло из шести сотен дойных коров приличной породы — в два раза больше, чем сохранилось в коровниках двух соседних колхозов. По новому тогда закону по истечении трех лет заброшенные угодья

14

Я был приятно изумлен тем, что Романов пошел на резкое усложнение работ, восстанавливая прихотливо выгнутые створки окон. На мое невинное удивление он ответил: «Красоту жалко терять!»

колхозов подлежали отчуждению в пользу районных советов, и Романов, как коршун, следил за тем, когда истекут законные три года, — в результате он сумел отсудить для города три десятка гектаров заброшенных колхозных полей. Любой из лихвинцев мог бесплатно получить столько дополнительных соток под картофель, сколько мог обработать. Пользуясь бесплатным проездом в рейсовом автобусе, лихвинские пенсионеры отправлялись на базар в райцентр Суворов, где работники крупной ГРЭС сметали с рыночных прилавков привезенные лихвинцами продукты. Выяснилось, что у полутора сотен семей были наследники в Москве или Петербурге. Наследники помогали поддерживать домохозяйство и на лето подкидывали старикам детей, добавляя некую денежную пересылку, — городок, расположенный в пойме

15

При Хрущеве построили новый мост, но из экономии занизили его так, что в весеннее половодье мост накрывало водой, и тогда единственной связью с миром оставалась железнодорожная ветка, по которой специально пускали поезд из трех вагонов.

16

Подробнее о Лихвине см.: Глазычев В.Л. Городишко. Российская городская жизнь на клеточном уровне // Век XX и мир. 1994. № 3/4 [<http://www.glazychev.ru/habitations&cities/gorodishko.htm>]

верхней Оки¹⁵ и связанный автобусными маршрутами с Москвой, Калугой и Тулой, для летнего отдыха гудел идеально. Лихвин, на улицах которого хватало гоусей и овец, был в действительности настоящим, хотя и непризнанным агрогородом и потому, в сравнении с окрестными деревнями, пребывал в относительном довольстве.

Пытаясь компенсировать утрату перьевой мануфактуры, мы вместе с мэром размышляли о незадействованных ресурсах Лихвина и остановились на преимуществах его микроклимата (сюда не доставал дымный шлейф от Суворовской ГРЭС), выяснили, что в городе есть несколько старушек-травниц, и принялись прикидывать эффективность обустройства плантации лекарственных трав.

Исследовав все закутки Лихвина, я впервые по-настоящему осознал, что все семьдесят лет советской власти провинциальные городки продолжали нещадно эксплуатировать богатство, созданное в дореволюционное время. Жилые дома и лабазы, немногочисленные конторы и склады — все это был давний аккумулированный капитал, к которому советское время, надо отдать ему должное, все же добавило школу, поликлинику, пару магазинов и узел связи. Здесь же я впервые осознал, что открылась хотя бы теоретическая возможность восстановить естественные для малого города функции комплексного сервисного центра всей сельской и природной округи, и крошечный Лихвин может сыграть в России ту же культуртрегерскую роль, что была и остается смыслом существования малых городов в США вот уже двести лет¹⁶.

* * *

После путча я на некоторое время был втянут в работу одной из многочисленных комиссий, которыми тогда руководил всесильный калиф на час по имени Геннадий Бурбулис. От всей этой суеты осталось два добрых дела: учреждение Института наследия и программа создания телевизионного канала «Культура». Но важным для меня результатом было установление добрых рабочих отношений с новым руководством Министерства культуры. Занимаясь коммерческими предпроектными исследованиями¹⁷ в Москве и, как все, пытаюсь совладать с галопирующей инфляцией, я сумел убедить министерское начальство в необходимости проведения параллельных

17

Среди них была программа развития кварталов между Обводным каналом и Якиманкой по заказу преемственности Министерства строительства ФРГ. Программа была в значительной степени осуществлена (уже не нами) в новую, уже сугубо коммерческую эпоху.

исследований малых городов разными группами и по различным методикам, чтобы затем соотнести результаты и выработать общую политику. Готовых к подобной работе групп, кроме нашей, нашлось еще три. Мы составили примерный список, и я выбрал два городка на Волге: Мышкин, что в Ярославской области, и Старицу в Тверской губернии.

Я заблуждался, считая, что можно выбрать город наудачу, не проверив, насколько его начальство восприимчиво к непривычной для него форме работы, и понадеявшись на «фирман» от Министерства культуры. Следует счесть немалым везением, что я ошибся только в одном случае из возможных двух.

Ошибкой была Старица.

Сам городок, оседлавший оба берега Волги, замечателен. Конечно, непросто было опознать в его изрядно потрепанных улицах дореволюционный уездный город, в котором было четыре театра, собиравших публику из сонных окрестных имений. Однако и уцелело немало, и обранные тут детские рисунки отразили множество привлекательных «ключей» к городскому ландшафту, включая мост, не лишенный тяжелого изящества. Дама, ведавшая здешней культурой, была вполне открыта к взаимодействию, а сотрудники городского музея с энтузиазмом включились в непривычное разглядывание «их» Старицы в качестве ресурса развития. Памятя тихвинский опыт, нам удалось втянуть в процесс две местные школы, и из этого сотрудничества вырос изящный в своей простоте проект.

Сердце щемило при виде того, как мещанские домики на глазах теряют свое очаровательное убранство — старые прорезные орнаменты давно начали осыпаться с фасадов, как осенняя листва. Местные власти пытались привлечь к этой застарелой проблеме реставраторов, но реставрационные мастерские в позднее советское время успели так взвинтить расценки на любую мелочь, что всех денег «на культуру» хватило бы в лучшем случае на два фасада. Ждать денег от Министерства культуры не приходилось, так как все старицкое деревянное богатство считалось памятником местного значения. Не составило большого труда связать несколько минусов в один плюс. Минусом было отсутствие бюджетных денег и спонсоров. Минусом было отчужденное отношение к музею, в прекрасном собрании которого видели только объект внеклассной учебы. Минусом было и то, что на так называемых уроках труда в школе молодые люди занимались какой-то ерундой, вроде изготовления табуретов, вид которых вызывал тоску.

Однако же учителя труда были совсем не прочь заняться чем-то более симпатичным. В музее была полная фотофиксация фасадов. На близкой лесопилке оказалось достаточно обрезков доски — их, как водится, время от времени сжигали. Невелика сложность просечь орнамент, руководствуясь прописью, нанесенной на кальку. Под присмотром учителя это — задача, сильная и для ученика восьмого класса. К тому же подросток, своими руками прикрепивший на место узорчатый наличник и увидевший, как это славно, будет иным человеком, чем был прежде, когда вышибал ногой подгнившую штакетину накренившегося забора.

Районному начальству все это показалось слишком сложным, и энтузиазм школ задушили в самом зародыше.

История с Мышкиным развивалась совсем по другой схеме. Всего шесть с половиной тысяч жителей, но у них за плечами были уже два

серьезных достижения. Во-первых, после длительной борьбы в областных коридорах власти Мышкину удалось восстановить отнятый у него ранее статус города. Во-вторых, окрыленные этим успехом мышкинцы добились возвращения в город библиотеки, собранной в свое время купцом Опочининым и завещанной городу, но вывезенной большевиками в Углич. Под библиотеку отвели превосходный особняк, и я сразу понял: нет лучшего средства расположить к себе сердца, чем подарить туда ценную книгу. В-третьих, маленькая, небогатая администрация дотационного городка не собиралась останавливаться на сделанном, и весь ее состав был более чем открыт к поиску способов поставить Мышкин на ноги в новых, еще непонятных экономических условиях¹⁸.

Наконец, в-четвертых, в Мышкине отделом писем местной газеты заведовал Владимир Александрович Гречухин.

Гречухин — из тех людей, кого принято называть редкими. К моменту нашего появления в Мышкине он почти двадцать лет возглавлял основанный им музей, которому уже был придан официальный статус народного, что не давало ни копейки денег, но позволяло отнести расходы по коммунальным услугам на счет городского бюджета. Этот симпатичный музей вырастил целое поколение мышкинцев, которые школьниками собирали все, что встречалось ценного и любопытного в краеведческих походах, формируя экспозицию собственными руками.

В столь благоприятной среде работа у нас кипела, несмотря на то что городок пребывал в печали: однажды ночью угнали дебаркадер, и Мышкин лишился единственной пристани. Взяв в компанию великолепного гидрогеолога, мы предложили администрации экономичный

способ предотвращения оползней, грозивших застройке в нескольких местах городка. Посоветовали, как в изменившихся условиях заново наладить конструктивные отношения между городом и расположенной неподалеку газонасосной станцией «Северное сияние», где трудилась четыре сотни мышкинцев. Заполняя бумагу колонками цифр, я довольно быстро убедил моих партнеров, что их надежды на крупные инвестиции беспочвенны, зато вполне реально, опираясь на собственные силы и смекалку, постепенно превратить городок и его рыбацкие окрестности в своего рода сервисный центр. Один из здешних особняков, бывших в муниципальной собственности, вполне годился для того, чтобы после посильного ремонта устроить в нем небольшой Дом творчества. Тысячи рыбаков, собиравшихся на притоках противоположного берега Волги, явно нуждались во множестве мелких услуг и т.п.

Через некоторое время я узнал из письма Гречухина о развитии мышкинских событий столь грустные вещи, что испытал жесткие угрызения совести. Угличское районное начальство было всеерьезно обеспокоено чрезмерной активностью мышкинских властей и предприняло действия, каких я никак не мог предположить. Под флагом экономии средств Ярославская область приняла решение о разжаловании Мышкина из города в село и соответственно о ликвидации городской администрации. Издавая книгу¹⁹ в 95-м году, я включил в очерк о Мышкине свои глубокие сожаления, но, как оказалось, торопиться не следовало. Прошло еще несколько лет, и мышкинцы сообщили мне, что статус

18

Именно в Мышкине мы стали свидетелями того, как впервые пролегла в России грань между пьющей всерьез и всего лишь выпивающей частями народонаселения. Наступил исторический понедельник, когда сберкассы начали обменивать знаменитые ваучеры на скромное число денежных знаков, и с утра перед заветным крыльцом выстроилась томлящаяся очередь человек в полтора, но не более.

19

Городская среда: технология развития / Под ред. В. Глазычева. М.: Ладья, 1995
[http://www.glazychev.ru/books/gorodskaya_sreda/gorodskaya_sreda.htm]

города им опять удалось отвоевать. В городке сложилась теперь уже целая группа музеев (Музей мыши, Музей валенок), в обслуживание туристов и в изготовление сувениров включились десятки семей, а по числу туристов Мышкин в десять раз обогнал Углич, давно включенный в официальный маршрут «Золотого кольца». В Мышкине стали собирать конференции и издавать книги, которые мне аккуратно пересылает неутомимый А.И. Гречухин.

Пожалуй, любопытно привести здесь ни разу не публиковавшиеся тезисы моего выступления в ходе «круглого стола» в Министерстве культуры, что было единственной формой подведения итогов экспериментальной работы к концу 94-го года. Сообразно месту, доклад имел название «Опыт разработки программ развития культуры на городских территориях».

1. Началом программирования развития культурного потенциала городской среды стали эксперименты 1984–1987 гг., проводившиеся под руководством автора в рамках НИИ культуры. Результаты изложены в ряде публикаций с достаточной полнотой. В 1991 г. в радикально изменившихся (на первый взгляд) условиях мы возобновили эксперимент уже в рамках деятельности Европейской академии городской среды, а с 1992 г., через взаимодействие последней с Министерством культуры и туризма РФ, — в исследовательской программе «Малый город».
2. Практическое взаимодействие с местными властями и активным меньшинством горожан позволило обнаружить, с одной стороны, немалую гибкость сознания, если иметь в виду готовность людей к изменению внешних условий, с другой — глубину проникновения пассивной, стоической установки сознания, с трудом допускающего идею реальной самоорганизации культурного процесса.
3. Опыт работы в ситуациях различного масштаба — от крупнейшего Московского региона до микрорайона и поселка городского типа — демонстрирует феноменальную однородность «поля культуры», в пределах которого собственно городской тип культурного сознания еще только начинает складываться.
4. Опыт работы в сегодняшних условиях подтвердил наш прежний вывод о необходимости развертывания программы развития культуры через утверждение лидирующей позиции целостного социально-экономического, социально-экологического, социально-культурного развития города и соотносящейся с ним территории. Традиционная для культурориентированной публицистики апелляция к ценностям и материалу самой культуры, минуя прагматические стороны бытия городских или полугородских сообществ, непродуктивна. Напротив, выдвигание альтернативных к прежней практике (генеральные планы развития и их ТЭО) программ открывает принципиальную возможность изменить отношение местных элит к вопросам культуры.
5. Опыт построения программ социально-культурного развития поселений и территорий подтверждает рабочую гипотезу реальности и необходимости нахождения направлений и способов творческого разрешения естественного конфликта между формальными структурами управления и устремлениями активных индивидов и неформальных групп. Сам процесс построения программы развития обнаруживает свой конструктивный потенциал, если он изначально трактуется как социокультурная деятельность, имеющая собственную природу, свои закономерности развития и реализации.
6. Включение внешних экспертных групп в регулярное взаимодействие с местными силами является необходимым условием формирования прог-

раммы развития культуры — при неременной научной обоснованности действий экспертной группы сама ее деятельность должна быть отнесена к области социальных искусств.

7. Адресный, индивидуальный характер программы развития культурного потенциала городского и территориального сообществ входит как одно из ключевых условий в сферу профессиональной деятельности экспертов-аниматоров, что указывает на необходимость и возможность развития обучения такой деятельности. Это работа, обеспечение которой во взаимодействии с независимыми творческими организациями могло бы стать одним из основных направлений Министерства культуры и туризма РФ.

Хотя из текста явственно проступает понятное стремление автора получить государственное финансирование хотя бы для части работ, только к этому его содержание не сводится. Три вещи мне кажутся любопытными. Во-первых, стало понятно, что основа «высших» ценностей — это практические дела местных сообществ. Во-вторых, опыт убедил меня, что любой объем книжного знания не замещает особого, непросто определяемого искусства взаимодействия с реальными социальными игроками, а сложность задачи не особенно зависит от размера города. В-третьих, уже в этих тезисах отразилось то, что мои действительные интересы оставались прежде всего исследовательскими: да, действительно, мои действия были направлены на практический результат, но я был заинтересован в нем лишь потому, что без движения к нему невозможно получить достоверное знание. Я направил в министерство предложение следующего содержания:

Программа экспериментально-исследовательских работ по теме «Региональное развитие культуры российского Центра».

Значительный объем опыта работ по программированию развития культурного потенциала городов и местных систем расселения существенно расширился за счет взаимодействия с усилиями местных экспертов и представителей общественности в качестве органического элемента программы «Наследие». Опыт выявил как сильные, так и слабые стороны взаимодействия, однако недостаток времени и трудности сезона, отягощенные досадными сбоями в перечислении средств на ведение работ, не позволили проявить весь потенциал экспериментального исследования.

Академия городской среды, успешно завершив разработку весьма различных программ по единому методическому подходу в Мышкине и Старице, а также индивидуальную программу по прямому договору с городом Дмитров, фиксирует достижение на локальном уровне социального согласия относительно работы с памятниками природы, истории и культуры через формирование конструктивного движения жителей к становлению гражданского общества.

Взаимодействие групп между собой при посредничестве группы методологического анализа уже дало и, несомненно, даст полезные материалы, что позволяет подтвердить задачу подготовки и проведения широкого квалифицированного обсуждения результатов первого этапа с участием областных комитетов и представителей ряда малых городов из различных регионов Российской Федерации.

Однако такое совещание, имея самостоятельную организующую и методическую роль, не в состоянии по своей природе обеспечить полноту практико-методической доработки успешно начатого эксперимента. Не предвзято здесь содержание и характер третьего этапа крупномасштабного исследования, необходимо уже сейчас обозначить направление поискового

изучения в действии, которое должно послужить методологическим обеспечением дальнейшей работы.

Академия городской среды предлагает Министерству культуры РФ заключить с ней договоры на выполнение следующих работ: экспериментальная разработка программы социально-культурного развития малого города (Гороховец Нижегородской обл., или Егорьевск Московской обл., или аналогичный город одной из близких областей), направленная на детальную отработку методики взаимодействия с местными экспертами и способов внедрения новой системы идей в местное сообщество. В частности, речь идет о достройке полной картины местной культурной «элиты» в ее внутренних членениях; о доработке использования детских рисунков и школьных сочинений как источника ценной информации; о технологии «замещения целого через часть» и доработке программ создания экономического базиса внебюджетной поддержки программы культурного развития; о достройке технологии ступенчатого внедрения программы и пр.

Мы были действительно готовы, но в министерстве случились кадровые перестановки, и новое начальство не усмотрело в наших предприятиях особого смысла.

Мне удалось выиграть грант по программе Tacis «Прямая демократия», за счет чего можно было наконец предпринять первую попытку выхода на уровень достаточно крупного города, не теряя при этом непосредственного контакта с жителями. Во Владимире вместе с городской архитектурной службой мы выбрали небольшой, но важный фрагмент города — Гончары²⁰, древнюю, с XII века существующую слободку из трех улочек, расходящихся веером от площадки неподалеку от Золотых ворот и опадающих по оврагам к Клязьме. Это классическое «неудобье», и потому хрущевские пятиэтажки не смогли здесь выдать малоэтажную застройку. Таких фрагментов в городе насчитывалось около трех десятков, и по договоренности с мэрией мы должны были предложить некий внятный методический образец работы с ними, поскольку привычные советские схемы не подходили никак. Половина жилья было муниципальным (старейшие обитатели говорили по-довоенному — «жактовским»), половина — частным. Даже не требовалось делать выписки в городских конторах — видеофильм немедленно показывал, где дома частные, а где нет, ибо мера их ухоженности резко различалась. Там был КОС — комитет общественного самоуправления, однако, как обычно в России, мэрия трактовала КОС исключительно как свою собственную низовую контору, выплывавшая председателю весьма небольшое вспомоществование. Гончары приходили в упадок на глазах. Уже несколько лет не доставало нескольких ступеней на длинной деревянной лестнице, ведущей вниз, к вокзалу, и там ломали ноги. Практически перестали вывозить мусор. Разрушение частных домов существенно сдерживалось стараниями владельцев, но муниципальные дома вызывали чувство глубокого уныния.

Благодаря брюссельскому гранту, мы имели возможность заказать добросовестной группе владимирских социологов очень подробное исследование, которое, кстати, выявило, что, как и в Лихвине, существенную долю доходов многих домохозяйств составляли деньги, сопровождавшие детей, отправленных во Владимир родственниками из Москвы. Как водится, исследование показало, что ровно половина обитателей Гончаров мечтала о том, чтобы выбраться оттуда при первой

20

См. об этом также: Глазачев В.Л. Социальная жизнь города на молекулярном уровне (заметки по горячим следам) // Свободная мысль. 1995. № 5 [http://www.glazachev.ru/habitations&cities/1995_molecularny_uroven.htm]

Именно это исследование показало, как велика была уже среди владимирцев доля переселенцев из бывших союзных республик. Данные об этих шумных мигрантах, решавших свои проблемы без всякого участия государства, не собирал тогда никто, хотя очевидно, что среди них в большинстве были те, кто не ощущал никаких связей с местом, обжитым с XII века.

Вследствие обычного у нас пренебрежения к городской гидрогеологии нельзя было использовать стадион, сооруженный под Гончарами в 70-х годах: прямо из футбольного поля были сильные ключи.

возможности²¹, тогда как вторая половина выезжать из слободки не собиралась ни в коем случае. Исследование дало еще один, несколько неожиданный результат. Мы позаботились о том, чтобы информация о предстоящей работе была распространена заранее как можно шире: четыре публикации в местных читаемых газетах, две передачи по местному ТВ. Тем не менее выяснилось, что лишь 8% опрошенных «что-то об этом слышали», и это лишний раз заставило нас усомниться в эффективности СМИ, когда речь идет о распространении местной информации.

Начало рабочего процесса стало весьма неожиданным новым уроком. Дело в том, что Москва заключила какой-то пустой, формальный договор о сотрудничестве с Владимиром, а по условиям гранта проект должен был получить поддержку властей. Некоторое время я сотрудничал с департаментом московской мэрии (позднее упраздненным), так что глава его, находившийся в министерском ранге, любезно согласился открыть наш семинарский марафон. Мы подъехали к дому владимирской организации Союза архитекторов, и этот солидный господин, в равной степени готовый проводить кабинетное рабочее совещание и научный семинар, оказался вдруг лицом к лицу с толпой обозленных старух, которые встретили его воплем-вопросом: «Когда нас снесут?»

Уважаемый гость смешался, пытался что-то объяснить, отчего агрессивность толпы только выросла, и тут уверенный в себе, серьезный человек совсем растерялся и даже несколько испугался собственной растерянности. Толпа чует страх, как хищный зверь. Вдохновение отчаяния подтолкнуло меня к единственно правильному решению: громко и четко я начал рассказывать, какая большая совместная работа нам предстоит. Слово «работа» сразу же снизило накал собрания, толпа потихоньку таяла. На следующее, субботнее утро пришло восемь человек. С них и следовало начинать.

Председателем КОСа одна из обитательниц Гончаров стала совсем недавно, и она была готова всячески нам помогать, но могла предложить только самый ненадежный путь — обойти тех, с кем была хорошо знакома. Ненадежный — потому что таким образом легко было пропустить, возможно, самых перспективных участников совместной работы: отношения между соседями сложны, и часто приятельство с кем-то блокирует взаимодействие с другим. Памятуя об опыте московского микрорайона 15-А, я избрал технику элементарной провокации. Вся стартовая группа плотной кучкой передвигалась по улочкам, фотографировала, останавливалась, обсуждала, бурно жестикулировала. Разумеется, в окнах мелькали заинтересованные лица и, наконец, самые отважные осмеливались подойти, поинтересоваться, включиться. Несколько таких проходов — и число участников наших бдений стало подрастать. Разумеется, свою роль сыграли детские рисунки, любопытство приводило людей на камерные лекции наших западных друзей, и шаг за шагом мы прошупывали территорию, выявляя великое множество малых, но от этого не менее важных проблемных ситуаций. Помимо аварийной лестницы, обнаружился десяток мест, где возникали самовозрождающиеся²² локальные провалы; в нескольких местах ползли в овраг заборы, сараи и дома; на пустырях, оставшихся от пары сгоревших домов, успел вырасти матерый бурьян и т.п.